

Андреас Умланд

«Негражданское общество» в России.

Некоторые концептуальные рассуждения на тему социального контекста и политического потенциала трансформации постсоветских право-радикальных сил¹

В этом обзоре использованы некоторые результаты международных исследований нероссийских гражданских обществ и ультранационализмов для того, чтобы проиллюстрировать, что относительный упадок русских радикальных националистских партий в конце 1990-х гг. не может рассматриваться как недвусмысленный признак того, что «анти-либеральный этатизм»² потерял в России свою притягательность. Здесь также предпринята попытка показать, что значительный рост в разнообразии неправительственного сектора российского общества с середины 1980-х гг.³ не может рассматриваться как исключительно полезный для полиархической консолидации и дальнейшей демократизации российской политической системы.⁴

¹ Впервые опубликовано в сборнике «Цена ненависти: Национализм в России и противодействие расистским преступлениям» / Под ред. Александра Верховского. М.: Центр «Сова», 2005.

² Это (не очень удачное) понятие было впервые использовано в важной статье Stephen E. Hanson and Jeffrey S. Kopstein, „The Weimar / Russia Comparison,“ *Post-Soviet Affairs* 13, no. 3 (1997): 252-283.

³ О более раннем периоде, см. Anne White, *Democratization in Russia Under Gorbachev, 1985-91: The Birth of a Voluntary Sector* (New York: St. Martin's Press, 1999). По состоянию на конец 2001 года: «Сегодня количество общественных организаций, зарегистрированных российским Министерством юстиции составляет около 300.000, из которых, по оценкам экспертов около 75.000 являются действующими». Elke Fein, „Zivilgesellschaftlicher Paradigmenwechsel oder PR-Aktion? Zum ersten allrussischen 'Bürgerforum' im Kreml,“ *Osteuropa* 52, no. 2 (2002): 158-179, здесь 160.

⁴ Моя таксономия базируется на предложенной Робертом Далем концепции демократии, согласно которой демократия является не только идеальным типом (по Максус Веберу), но и, в конечном счете, утопическим проектом. Даль, в моем понимании, вводит термин «полиархия» применительно к тем режимам, которые неизбежно представляют всего лишь неполную имплементацию демократического идеала, но которые в то же время существенно инспирированы им. Демократизация, в рамках этой концептуальной схемы, видится, как потенциально бесконечный процесс. См.: Robert A. Dahl, *Polyarchy: Participation and Opposition* (New Haven: Yale University Press, 1971). Прорыв демократизации, который является качественным переходом из неполиархического в полиархический режим, тогда можно было бы назвать «полиархизацией».

В России «гражданское общество»⁵ или «гражданская община»⁶ не только развивается относительно медленно. Некоторые из наиболее значимых постсоветских групп, движений и направлений в российском неправительственном секторе не поддерживают или же явно критикуют либеральную демократию. Целый ряд негосударственных организаций в России содержат ультранационалистические, фундаменталистские и, частично, фашистские⁷ подсекторы, которые ставят под вопрос адекватность применения конструкции «гражданское общество» для их определения. Основной общественной функцией таких группировок не является увеличение склонности людей эффективно принимать участие в такой политической активности, которая могла бы способствовать дальнейшей демократизации (как утверждают многие теории демократии). Вместо этого, эти группировки являются – иногда намеренно – средством распространения радикально партикуляристских мировоззрений, в частности крайне анти-либеральных политических идей, а также средой политического воспитания и тренировки потенциальных политических активистов, придерживающихся таких взглядов.⁸

Поэтому в данной статье аргументируется необходимость продолжения пристальных исследований русских правых экстремистов⁹, и в частности, их соотношения с гражданским обществом, несмотря на недавний спад правоэкстремистских партий. Статья начинается с попытки выявить причины неудач четырех основных ультранационалистических партий 1990-х гг. – ЛДПР, РНЕ, КПРФ и

⁵ Larry Diamond, *Developing Democracy: Towards Consolidation* (Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1999), 221.

⁶ Robert D. Putnam with Robert Leonardi and Raffaella Y. Nanetti, *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* (Princeton: Princeton University Press, 1993).

⁷ Четкую дефиницию фашизма, его черт и субтипов см.: Roger D. Griffin, *The Nature of Fascism*, 2nd ed. (London: Routledge, 1993). Коротко об этой книге: Павел Ю. Рахшмир, „Фашизм: вчера, сегодня, завтра,“ *Мировая экономика и международные отношения*, № 10 (1996): 153-157; Андреас Умланд, „Старый вопрос поставленный заново: что такое фашизм? (Теория фашизма Роджера Гриффина),“ *Политические исследования*, № 1(31) (1996): 175-176, <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/1996/1/16.htm>.

⁸ Конструкция «негражданское общество» была впервые представлена в рамках исследования русских ультранационалистических тенденций, очевидно, в: Jeffrey S. Kopstein and Stephen E. Hanson, „Paths to Uncivil Societies and Anti-Liberal States: A Reply to Shenfield,“ *Post-Soviet Affairs* 14, no. 4 (1998): 369-375. Некоторое время выходил еженедельный выпуск новостей под названием (Un)Civil Societies, доступный на сайте Radio Free Europe/Radio Liberty (<http://www.rferl.org/ucs/>). Коннотация понятия «негражданский» здесь, очевидно, отличается от значения этого понятия, например, у Richard Rose, „Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre-modern, and Anti-modern,“ *Post-Soviet Affairs* 16, no. 1 (2000): 33-57, здесь 37.

⁹ Обзор большей части относящейся к данному вопросу литературы, опубликованной до 1996 года, сделан в статье Андреас Умланд, „Правый экстремизм в постсоветской России,“ *Общественные науки и современность*, № 4 (2001): 71-84, более короткая версия на английском языке, см. idem, „The Post-Soviet Russian Extreme Right,“ *Problems of Post-Communism* 44, no. 4 (1997): 53-61. Множество данных можно найти на сайтах Центра «Панорама» (<http://www.panorama.ru/works/patr/>), Центра «СОВА» (<http://xeno.sova-center.ru/>), «Мемориала» (<http://www.memo.ru/library/Faszisty/fasz1.htm>), Фонда «Антифашист» (http://www.aha.ru/~ofa/Oglav_1.htm), на сайте «Библиотека думающего о России» (<http://www.patriotica.ru>).

НБП¹⁰. В частности будет показано, что с самого начала некоторые фундаментальные противоречия в публичном имидже этих партий служили принципиальной помехой усилиям их лидеров в партстроительстве и на выборах. Далее интерпретация упадка правоэкстремистских партий в России в конце 1990-х направляет нас к опыту довеймарской Германии, которая столкнулась с феноменом исчезновения большинства ее антисемитских партий, но не антисемитизма в целом около 1900 года. В конце статьи излагается, каким образом исследователи нероссийского ультранационализма и фундаментализма старались адекватно определять разные формы непартийной деятельности правых экстремистов. В частности предлагается для рассмотрения феномен т.н. «группускулов», который вышел на первый план в послевоенном международном правом экстремизме. В заключении будут представлены некоторые выводы, касающиеся возможных направлений в ближайшем развитии научных исследований русского правого экстремизма.

Некоторые специфические дилеммы русской ультранационалистической партийной политики в 1990-х гг.

Существовало множество структурных факторов, которые препятствовали в 90-е годы созданию полноценной постсоветской партийной системы в России в целом¹¹ и эффективных русских ультранационалистических партий в частности¹². Среди субъективных причин некоторыми русскими обозревателями выдвигалась идея, что дело в специфической русской антипатии к идеям ультранационализма.

¹⁰ Классифицируя эти четыре партии как «правоэкстремистские», я никоим образом не подразумеваю, что между ними нет важных различий в отношении их организационной структуры и идеологии. Понятие «правоэкстремистский», как я его здесь использую, включает в себе составные части таких различных идеологий, как фундаментализм, ультра-консерватизм и фашизм. Кроме того, КППФ является не только самой большой, но и наименее однородной политической организацией в сравнении с тремя другими организациями (которые тоже имеют различные фракции). Все же «правоэкстремистский» кажется наиболее подходящим понятием, способным охватить политические идеи лидера КППФ Г. Зюганова, как и некоторых других влиятельных «коммунистов», как, например А. Макашова, В. Илюхина или Н. Кондратенко. Тем не менее, было бы неправильно определить весь состав КППФ как «правоэкстремистский». О разнообразии идеологических течений в КППФ см.: Joan Barth Urban and Valerii Solovei, *Russia's Communists at the Crossroads* (Boulder, CO: Westview Press, 1997). Об антисемитизме в руководстве КППФ см. Вячеслав Лихачев, *Политический антисемитизм в современной России* (Москва: Academia, 2003), 18-25.

¹¹ M. Steven Fish, *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995); idem, „The Advent of Multipartyism in Russia, 1993-1995,“ *Post-Soviet Affairs* 11, no. 4 (1995): 340-383.

¹² Robert W. Orttung, „The Russian Right and the Dilemmas of Party Organisation,“ *Soviet Studies* 44, no. 3 (1992): 445-478.

Является ли это мнение подходящей интерпретацией или нет, вопрос спорный, но относительно незначительное представительство правоэкстремистских партий в российских парламентах послесоветского времени не может, по представленным ниже причинам, рассматриваться как достаточный индикатор того, что перспективы ультранационалистических политиков в России являются в принципе незначительными.

Говоря об ограниченных успехах на выборах правоэкстремистских партий или политиков в 90-е годы, надо обратить внимание на то, что все четыре ведущие организации, представлявшие ультранационалистические идеи различных типов¹³ и с различной активностью принимавшие участие в выборах этого периода, т.е. ЛДПР, РНЕ, КПРФ и НБП, находились в своего рода идейно-имиджевых тупиках, предпосылкой для которых была специфичность их истории или руководства.

Во первых, биологический отец Владимира Жириновского, вероятно, был евреем.¹⁴ Хотя Жириновский не может считаться евреем в каком-либо ином смысле и сам себя называет на сто процентов русским, прошлое его семьи является важным препятствием для принятия Жириновского многими правоэкстремистскими политиками, интеллектуалами, активистами и избирателями.¹⁵ Правда стоит упомянуть, что некоторые фигуры правоэкстремистского направления, такие как бывший редактор престижного «Военно-исторического журнала» Виктор Филатов, не рассматривали происхождение Жириновского как проблему и сотрудни-

¹³ Здесь и далее термины «правоэкстремистский» и «ультранационалистический» употребляются почти как синонимы. Из сказанного выше о правом экстремизме ясно, что сами понятия не вполне синонимичны, но в интересующем нас контексте их можно не различать

¹⁴ Несмотря на то, что этот факт является общеизвестным с начала 1990-х, знаменательно, что Жириновский в 2001 году сам публично признался в своем происхождении. См. Susan B. Glasser, „Russian Revises His Heritage,“ *The Washington Post*, 18 July 2001: A13. Я признателен профессору Маршалу Голдману, который привлек мое внимание к этому моменту.

¹⁵ Еще одним источником недоразумения стало название партии Жириновского: «Либерально-демократическая». См. Andreas Umland, „Ein Gespräch mit Wladimir Shirinowskij,“ *Die Neue Gesellschaft: Frankfurter Hefte* 41, no. 2 (1994): 114-117. Это название никогда не соответствовало взглядам Жириновского и было связано со специфическим происхождении партии. См. Julia Wishnevsky, „Multiparty System, Soviet Style,“ *Report on the USSR*, 23 November 1990: 3-6; John B. Dunlop, „The Leadership of the Centrist Bloc,“ *Report on the USSR*, 8 February 1991: 4-6; Galina Luchterhandt, „Der ‘zentristische’ Block,“ *Aktuelle Analysen des BIOst*, no. 46 (1991); Andreas Umland, „Wladimir Shirinowskij in der russischen Politik: Einige Hintergründe des Aufstiegs der Liberal-Demokratischen Partei Rußlands,“ *Osteuropa* 44, no. 12 (1994): 1117-1131; John B. Dunlop, *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire*, 2nd edn. (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995), 108-111; Andreas Umland, „Zhirinovskii Enters Politics: A Chronology of the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia 1990-1991,“ *The Journal of Slavic Military Studies* 18, no. 1 (2005): 15-30.

Негативный эффект публичного поведения Жириновского часто переоценивается западными и российскими специалистами. Если верить их оценкам, он должен был уже давно исчезнуть с политической арены. Жириновский сознательно играет роль традиционно русской фигуры юродивого и отстаивает свой театральный стиль как необходимый для поддержания общественного внимания. См.: Martin A. Lee, *The Beast Reawakens* (Boston, MA: Little, Brown & Company, 1997), 323-325.

чали или до сих пор сотрудничают с Жириновским. Тем не менее, не будет преувеличением сказать, что большинство российских ультра-националистов отрицательно (мягко говоря) относится к идее президента (или даже министра) России с еврейским отцом, какими бы ни были его взгляды.¹⁶

Во вторых, РНЕ, которое до своего распада оккупировало большую часть крайне антисистемного сектора русского национализма,¹⁷ откровенно (хотя и не эксклюзивно) использовало некоторые едва модифицированные символы немецких нацистов, такие как свастика и римское приветствие, как и идеи нацистов, такие как биологический расизм.¹⁸ Я не буду вдаваться здесь в детали множества проблем, с которыми может столкнуться такой очевидно неонацистский политический профиль, во всем мире, включая Германию, и уже столкнулся в России.¹⁹ Достаточно указать на то, что эта характеристика предопределила для РНЕ изоляцию и провал с момента создания этой партии. Когда осенью 2000 года РНЕ наконец распалось, один из преемников организации, Всероссийское социально-политическое движение «Русское возрождение» (которое позже, правда, тоже распалось), демонстративно отказалось от свастики на своей эмблеме.²⁰

В третьих, политический профиль КПРФ (если рассматривать идеологию этой партии как по существу право-экстремистскую) остается скомпрометированным ее левыми корнями.²¹ И это несмотря на зарождение в КПСС крипто-национа-

¹⁶ Документ НБП 1994 года говорит, например, об «израелитах ЛДПР». См. Владимир Прибыловский, *Русские националистические и праворадикальные организации, 1989-1995: Документы и тексты. 1-й том* (Москва: Панорама, 1995), 185.

¹⁷ John B. Dunlop, „Alexander Barkashov and the Rise of National Socialism in Russia,“ *Demokratizatsiya* 4, no. 4 (1996): 519-530; Sven Gunnar Simonsen, „Aleksandr Barkashov and Russian National Unity: Blackshirt Friends of the Nation,“ *Nationalities Papers* 24, no. 4 (1996): 625-639; William D. Jackson, „Fascism, Vigilantism, and the State: The Russian National Unity Movement,“ *Problems of Post-Communism* 46, no. 1 (1999): 34-42; *Русское Национальное Единство, 1990-2000. В 2-х томах / Под ред. Вячеслава Лихачева и Владимира Прибыловского. Soviet and Post-Soviet Politics & Society* 10 (Suttgart: ibidem, 2005).

¹⁸ Возможно именно по этим причинам некоторые обозреватели, специализирующиеся на русском правом экстремизме, слишком много внимания уделяли РНЕ. См., например: Stephen D. Shenfield, „The Weimar/Russia Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein,“ *Post-Soviet Affairs* 14, no. 4 (1998): 355-368; idem, *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements* (Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2001), 113-189, and 264-266.

¹⁹ Andreas Umland, „The Pseudo-Threat of Russian Neo-Nazism: Symbolical and Ideological Handicaps of the RNE.“ Доклад представлен на 33-ей ежегодной конференции American Association for the Advancement of Slavic Studies, Arlington, Virginia, 15 -18 ноября 2001.

²⁰ Вячеслав Лихачев, «Что представляет собой Русское Национальное Единство как организация». Доклад представлен на 33-ей ежегодной конференции American Association for the Advancement of Slavic Studies, Arlington, Virginia, 15 -18 ноября 2001.

²¹ Andreas Umland, „Post-Soviet Politics: A History Still Beginning,“ *Patterns of Prejudice* 34, no. 2 (2000): 132-134. Здесь следует добавить, что не только идеологии, формировавшие курс Французской революции после 1789 года, в частности якобинство, но и определенные идеи западного и российского революционного движения XIX века, в частности бланкизм и сорелианизм, и даже сам марксизм уже содержали в себе некоторые черты, которые ускорили их дальнейшее превращение в ультра-националистические и фашистские идеологии. См. по этому спорному вопросу, например, Michael Freund, *Georges Sorel: Der revolutionäre Konservatismus* (Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1972); Zeev Sternhell, *The Birth of Fascist Ideology: From Cultural*

листических идей еще при Сталине²² и на изощренность постепенного перехода КПРФ ко все более откровенному ультранационалистическому дискурсу, в частности к русофильской идеологии, изложенной в многочисленных публикациях Геннадия Зюганова.²³ Дерзкое, неприкрытое заимствование Зюгановым идей некоторых известных российских и западноевропейских мыслителей правого кры-

Rebellion to Political Revolution (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994); Erik van Ree, „Nationalist Elements in the Work of Marx and Engels: A Critical Survey,“ *MEGA-Studien*, no. 1 (2000): 25-49; idem, „On Whose Shoulders Did Stalin Stand? Radical Nationalism of the Radical Left, 1789-1917.“ Доклад представлен на 5th European Social Science History Conference „Shared Histories: Transnational Dimensions of Social History,“ Berlin, 24-27 March 2004.

²² О националистических тенденциях при Сталине, см. Klaus Mehnert, *Stalin versus Marx: The Stalinist Historical Doctrine* (London: Allen & Unwin, 1952); Frederick C. Barghoorn, *Soviet Russian Nationalism* (New York: Oxford University Press, 1956); Robert C. Tucker, *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928-1941* (New York: Norton, 1992); David L. Brandenberger and A.M. Dubrovsky, „‘The People Need a Tsar.’ The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931-1941,“ *Europe-Asia Studies* 50, no. 5 (1998): 873-892; E.A. Rees, „Stalin and Russian Nationalism,“ in: Geoffrey Hosking and Robert Service, eds., *Russian Nationalism: Past and Present* (Houndsmills: Macmillan, 1998), 77-106; Maureen Perrie, *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin’s Russia* (Houndsmills: Palgrave, 2001); David Brandenberger, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002); Erik van Ree, *The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-century Revolutionary Patriotism* (London: Routledge Curzon, 2002).

²³ Хотя на данный момент в ней кое-что устарело, самой ценной интерпретацией идеологии Зюганова все еще является статья Veljko Vujčić, „Gennady Zyuganov and the ‘Third Road’,“ *Post-Soviet Affairs* 12, no. 2 (1996): 118-154. См. также в хронологическом порядке Wendy Slater, „The Russian Communist Party Today,“ *RFE/RL Research Report* 3, no. 31 (12 August 1994): 1-6; Nikolaj Krotow and Galina Luchterhandt, „Zwischen ‘Patriotismus’ und ‘Sozialdemokratie’: Der Kommunist Gennadij Sjuganow,“ *Osteuropa* 44, no. 9 (1994): 855-861; Vesa Oittinen, „Ein populistischer Zwitter: Rußlands KP zwischen Leninismus und Staatspatriotismus,“ *Blätter für deutsche und internationale Politik* 40, no. 8 (1995): 946-955; Gerhard Simon, „Gennadij Sjuganow,“ *Die politische Meinung* 41, no. 318 (1996): 17-24; John T. Ishiyama, „Red Phoenix? The Communist Party of Post-Soviet Russian Politics,“ *Party Politics* 2, no. 2 (1996): 147-175; Heinz Timmermann, „Die Kommunistische Partei der Russischen Föderation,“ *Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien: Aktuelle Analysen*, nos. 69 & 70 (1995); idem, „Renaissance der KP Rußlands: Programm, Struktur und Perspektiven der Sjuganow Partei,“ *Europäische Rundschau* 24, no. 2 (1996): 59-80; idem, „Die Wiederkehr der KP Rußlands: Programm, Struktur und Perspektiven der Sjuganow Partei,“ *Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien*, no. 12 (1996); idem, „Rußlands KP: Zwischen angepaßtem Leninismus und Volkspatriotismus,“ *Osteuropa* 47, no. 8 (1997): 749-761; Evelyn Davidheiser, „The CPRF: Towards Social Democracy or National Socialism?“ in: Matthew Wyman, Stephen White and Sarah Oates, eds., *Elections and Voters in Post-Communist Russia* (Cheltenham: Edward Elgar, 1998), 240-271; Simon Pirani, „State Patriotism in the Politics and Ideology of Gennday Zyuganov,“ *Slovo* (London) 10, no. 1-2 (1998): 179-197; Geir Flikke, „Patriotic Left-Centrism: The Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation,“ *Europe-Asia Studies* 51, no. 2 (1999): 275-298; Robert C. Otto, „Gennadii Ziuganov: The Reluctant Candidate,“ *Problems of Post-Communism* 46, no. 5 (1999): 37-47; Luke March, „For Victory? The Crisis and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation,“ *Europe-Asia Studies* 53, no. 2 (2001): 263-290. Не так давно «национально-патриотическое» крыло в КПРФ еще более укрепилось, когда партия решила дать известному антисемиту Николаю Кондратенко, бывшему губернатору Краснодарского края, второе место (после Зюганова) в списке на выборах в Государственную Думу в декабре 2003 года. Важное исследование, где придается особое значение программе Зюганова, важной для его успеха в партстроительстве, является: Stephen E. Hanson, *Ideology, Uncertainty, and the Rise of Anti-System Parties in Postcommunist Russia. Studies in Public Policy* 289 (Glasgow: Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde, 1997).

ла, включая даже эмигранта-монархиста и радикального критика СССР Ивана Ильина (1883-1954), продвинуло КПрФ во все более очевидном не- и даже антикоммунистическом направлении. Несмотря на это партия не отказалась от своей роли главного преемника КПСС. Вследствие этого КПрФ рассматривается некоторыми деятелями правого крыла и, по-видимому, значительным количеством националистических избирателей, не только как ответственная за множество неудач России в двадцатом столетии, но и как не подлинно антиуниверсалистская партия, идеологическое наследие которой, к тому же, восходит к теориям одного немецкого полуеврея. До тех пор, пока партия Зюганова будет сохранять в своем названии слово «коммунистическая», она будет подвергаться не только либеральной, но, что более важно, и националистической критике в связи со своими марксистскими корнями и советским прошлым.²⁴

В четвертых, нужно отметить менее исследованную, но значимую ультранационалистическую группу, которая достигла своего пика в конце 1990-х – Национал-большевистскую партию (НБП).²⁵ Эта партия принадлежит, как и РНЕ к выражено анти-системным течениям в русском ультранационализме. Но и такая партия как НБП, тем не менее, для достижения успеха в своей политической нише обязана воздерживаться от нарушения некоторых основных ориентиров той части политического спектра, в которую она стремится войти. Другими словами, несмотря на свой экстравагантный имидж, НБП должна сохранять некоторые идеи фикс правого экстремизма, чтобы получить поддержку среди националистических избирателей.

НБП сталкивается в этом отношении с проблематичностью личности ее эксцентричного лидера. Писатель и поэт Эдуард Лимонов провел значительную часть своей жизни не в России, а на ненавистном Западе.²⁶ До своего прихода в политику Лимонов описал в своем, возможно, наиболее известном романе «Это я – Эдичка» свой личный (или якобы личный) гомосексуальный опыт в США.²⁷

²⁴ Эта уязвимость проявилась во время президентской кампании в 1996 году, когда Ельцин (хотя и сам бывший аппаратчик КПСС) смог провести негативную кампанию против лидера КПрФ, построенную на отвержении советского прошлого России. См. Michael McFaul, *The 1996 Russian Presidential Elections: The End of Polarized Politics* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1997).

²⁵ Первый и до сих пор лучший научный анализ идеологии НБП дан в: Markus Mathyl, „Die offenkundige Nisse und der rassenmäßige Feind: Die National-Bolschewistische Partei (NBP) als Beispiel für die Radikalisierung des russischen Nationalismus,“ *Halbjahresschrift für südosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik* 9, no. 2 (1997): 7-15, & vol. 10, no. 1 (1998): 23-36. См. также idem, „Hammer und Sichel in der Fahne Hitlers,“ in: Roland Roth and Dieter Rucht, eds., *Jugendkulturen, Politik und Protest: Vom Widerstand zum Kommerz* (Opladen: Leske+Budrich, 2000), 211-37; and Andrei Rogachevskii, „The National Bolshevik Party (1993-2001): A Brief History.“ Доклад представлен на 33-ей ежегодной конференции American Association for the Advancement of Slavic Studies, Arlington, Virginia, 15 -18 ноября 2001.

²⁶ Idem, *Biographical and Critical Study of Russian Writer Eduard Limonov. Studies in Slavic Language and Literature* 20 (Lewiston, NY: Edwin Mellen, 2004).

²⁷ Olga Matich, „The Moral Immoralist: Edward Limonov’s Èto Ja – Èdička,“ *Slavic and East European Journal* 30, no. 4 (1986): 526-540. Среди ранних активистов НБП, также присутствовал

Комментарий Александра Солженицына достаточно иллюстрирует доминирующий взгляд на Лимонова в традиционном русском националистическом интеллектуальном кругу: «маленькое насекомое, которое пишет порнографию».²⁸

Последним по времени, но не по значимости нужно отметить блок «Родина», который был создан в 2003 году и вошел в декабре того же года в Государственную Думу с неожиданно высоким результатом в 9,02%. Блок также выиграл восемь мест в Думе по одномандатным округам и привлек в свою фракцию независимого депутата, известного защитника советского унитарного государства Виктора Алксниса. Хотя фракция «Родины» имеет в своих рядах нескольких известных ультра националистов²⁹, остается неясно, как и в случае КПРФ, должен ли весь блок характеризоваться как правоэкстремистский. Один из его изначальных лидеров, Сергей Глазьев, например, начинал свою политическую карьеру как член команды Егора Гайдара в 1992 году. Несмотря на то, что национализм «Родины» является довольно радикальным, блок до некоторой степени сходен с КПРФ по амбивалентной позиции в русском идеологическом спектре: он поддерживает путинский режим во многих отношениях; он находится в оппозиции по отношению к правительству в некоторых других вопросах; а в некоторых случаях он представляет собой анти-системную силу. Возможно, еще рано однозначно классифицировать весь блок как *ультранационалистический*. В то время как некоторые главные деятели этого блока, несомненно, относятся к этой категории, другие, возможно, – нет. В каком направлении в конечном счете пойдет этот альянс, на начало 2005 года все еще неясно.

Более того, по мнению многих обозревателей, блок «Родина» является всего лишь творением Кремля, созданным исключительно с целью отобрать голоса у «коммунистов» и либералов на выборах в Думу в 2003 году. Некоторые воспринимают блок как политическую силу, неспособную выжить без поддержки Кремля, тем более с семипроцентным порогом на будущих выборах в Государственную Думу. Альянс еще молодой и соединяет многих амбициозных политиков, которые могут не удержаться вместе. Если блок действительно является лишь проектом кремлевских «политтехнологов», он может оказаться недолговечной политической организацией, которая исчезнет так же быстро, как появилась³⁰. Такие прогнозы, кажутся все более оправданными в связи с конфликтами между лидерами «Родины» Дмитрием Рогозиным, Сергеем Глазьевым и Сергеем Бабуриным.

„идеолог воинствующего гомосексуализма, журналист Ярослав Могутин.“ Цит. по: Прибыловский, Русские националистические и праворадикальные организации, 177.

²⁸ Цит. по: Lee, *The Beast Reawakens*, 313.

²⁹ Andreas Umland, „Der russische Rechtsextremismus nach den Wahlen 2003-2004: Bestandsaufnahme und Perspektiven,“ *Russlandanalysen*, no. 23 (2004): 1-4, http://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/04_publicationen/0405_russlandanalysen/

³⁰ Это произошло со многими другими националистскими союзами, такими, как Русский Национальный Собор, Фронт национального спасения или блок „Власть народу!“.

Означает ли все это, что правый экстремизм является и будет оставаться второстепенным феноменом в постсоветской российской политике?³¹ Короткий анализ истории ультранационалистических движений в других странах, например, в Германии, предостерегает от поспешного ответа на этот вопрос.

Как оценивать упадок ультранационалистических партий?

Некоторые уроки из новейшей истории Германии

Немецкий политический антисемитизм характеризуется существенной прерывистостью своей истории. В конце XIX – начале XX веков молодая партийная система Германии пережила период значительного изменения своих наиболее явных антисемитских компонентов.³² Еще в начале 90-х годов некоторые, казавшиеся тогда сильными, ультранационалистические партии, основанные в 1870-х – 1880-х годах, были на подъеме, и вместе с антисемитской Консервативной партией получили значительное количество голосов на выборах в Рейхстаг в 1893 году.³³ Масса антисемитской литературы циркулировала в Германии более чем два десятилетия до того.³⁴ И все же, «позиции антисемитских партий, не считая Консервативной партии, на выборах в первой декаде двадцатого столетия ухудшились».³⁵ Отто Кулка указал в этой связи, что «снижение значения антисемитских партий в конце девятнадцатого столетия не является показателем параллельного снижения критики иудаизма. Скорее это указывает на проникновение этого критицизма в идеологию большинства крупных политических партий в конце имперской и во время Веймарской эры».³⁶

Еще более важным для нашего анализа является то, что этот вывод был, по словам Гольдхагена, «верен не только для политических институтов, но и для токвилианских основ общества, то есть для ассоциаций, которые являются почвой

³¹ Один специалист в области русского ультранационализма пришел летом 2001 года к выводу, что «время национал-радикалов закончилось»: Вячеслав Лихачев, «Мы и наш диагноз: радикалы начинают и проигрывают», *Общая газета*, № 24 (14 июня 2001): 15.

³² Richard S. Levy, *The Downfall of the Anti-Semitic Political Parties in Imperial Germany* (New Haven, CT: Yale University Press, 1975).

³³ Daniel J. Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust* (New York: Vintage Books, 1997), 75.

³⁴ Jacob Katz, *From Prejudice to Destruction: Antisemitism, 1700-1933* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980), 245-272.

³⁵ Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners*, 76.

³⁶ Otto D. Kulka, „The Critique of Judaism in Modern European Thought: Genuine Factors and Demonic Perceptions,“ in: Robert S. Wistrich, ed., *Demonizing the Other: Antisemitism, Racism and Xenophobia* (Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1999), 197-209, здесь 204-205.

для политического образования и деятельности людей»³⁷. Вернер Йохманн даже написал, что «множество примеров показывают, как в 1890-х гг. антисемитизм проник в каждую гражданскую ассоциацию, в народные клубы и культурные организации».³⁸

По этой причине Петер Пулцер предупреждает, что акцент на слабом прямом политическом влиянии антисемитских партий Германии и их лидеров до 1918 года был бы неверным: «Тридцать лет непрекращающейся пропаганды были более эффективными, чем тогда думали; антисемитизм больше не был постыдным в широких социальных и академических кругах... Как только они наполнили широкий слой населения антисемитскими идеями, антисемитские партии не только преуспели в своем намерении, но еще и лишили себя работы.»³⁹

Гольдхаген приходит к выводу, что «спад антисемитских партий, таким образом, не был признаком спада антисемитизма, так как эти партии уже сыграли свою историческую роль, переведя антисемитизм с улиц и пивных баров в избирательные кабины и места в парламенте – по формулировке Макса Вебера, в дом власти. Антисемитские партии стали лишними. Они могли тихо исчезнуть, оставив политическую арену более могущественным наследниками, которые были готовыми к следующему подъему в антисемитской деятельности».⁴⁰

Было бы заблуждением проводить далеко идущие параллели между типом, значением и радикальностью антисемитизма в донацистской Германии и постсоветском российском обществе. Скорее, сегодня значение *антисемитской* разновидности ксенофобии внутри русского ультранационалистического дискурса снижается, он все более объединяется вокруг воинствующего антиамериканизма (который, правда часто смешан с антисемитизмом). Неверно было бы также проецировать на Россию именно такой процесс переноса ультранационалистических идей от слабеющих крайних партий к политической элите и в гражданское общество, как в поздней имперской Германии. Несмотря на это, приведенный пример и подобные другие примеры в дофашистской Европе иллюстрируют, что в некоторых случаях относительный упадок электоральной и организационной деятельности и успешности правозэкстремистских партий не может рассматриваться как недвусмысленный индикатор уменьшения притягательности их идей. Это также является показателем того, что внимание к событиям в гражданском, а не только политическом, обществе может содействовать созданию более полной картины распространения и природы ультранационалистических идей в данной стране.

³⁷ Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners*, 72.

³⁸ Werner Jochmann, „Structure and Functions of German Anti-Semitism, 1878-1914,“ in: Herbert A. Strauss, ed., *Hostages of Modernization: Studies on Modern Antisemitism, 1870-1933/39* (Berlin: Walter de Gruyter, 1993), 52-53.

³⁹ Peter G.J. Pulzer, *The Rise of Political Antisemitism in Germany and Austria*, rev. edn. (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988), 291 & 282.

⁴⁰ Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners*, 76.

Роль гражданского общества в консолидации и упадке полиархии

Не только ослабление националистических партий может создать неправильное впечатление об уровне поддержки в обществе антидемократических идей. В ряде новых исследований был поставлен под вопрос и действительный вклад сильного гражданского общества в создание и укрепление полиархии. Тогда как подход политологического мейнстрима, который иногда называется «нео-токвиллианским» и который инспирирован фундаментальным трудом Роберта Путнама «Заставить демократию работать»,⁴¹ подразумевает важность позитивного влияния гражданского общества на демократизацию, некоторые «диссидентские» голоса утверждают, что сильное гражданское общество иногда может иметь только ограниченное значение для попыток создать полиархию, а в особых ситуациях может даже внести вклад в упадок неконсолидированных полиархий. Например, Омар Енцарьон показал в недавней статье, что «Испания сконструировала жизнеспособную и очень успешную новую демократию с заметным дефицитом развития гражданского общества, при отсутствии благоприятных условий для создания социального капитала».⁴² Поскольку Испания является «парадигматическим примером для изучения перехода к демократии»⁴³, и было сказано, что для Восточной Европы «оптимистический сценарий – это следовать путем Испании»⁴⁴, это заключение Енцарьона, если оно правильно, должно иметь значительные последствия для нашего понимания того, как возникают полиархии.

Еще более значим в данном контексте другой парадигматический пример для сравнительного изучения смен режимов, а именно упадок германской Веймарской республики в 1930-33 годах. Он характеризовался присутствием и активностью особенно разнообразного и динамического, по историческим и сравнительным меркам, добровольного сектора.⁴⁵ Как указывала Шери Берман:

«по контрасту с тем, что предсказывают нео-токвиллианские теории, высокий уровень развития гражданского общества, отсутствие сильного [...] правительства и политических партий послужило фрагментации, а не объединению немецкого общества [...] Богатая общественная жизнь Веймара создала решающую почву подготовки для будущих нацистских кадров и базу, с которой Национал-социалистическая рабочая партия

⁴¹ Putnam, *Making Democracy Work*.

⁴² Omar G. Encarni3n, „Civil Society and the Consolidation of Democracy in Spain,“ *Political Science Quarterly* 111, no. 1 (2001): 53-79, здесь 55.

⁴³ Juan J. Linz and Alfred Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996), 87.

⁴⁴ Adam Przeworski, *Democracy and the Market* (New York: Cambridge University Press, 1991), 8.

⁴⁵ Peter Fritzsche, *Rehearsals of Fascism: Populism and Political Mobilization in Weimar Germany* (New York: Oxford University Press, 1990).

(НСДАП) смогла предпринять свой *Machtergreifung* (захват власти). Если бы немецкое гражданское общество было слабее, нацисты никогда не могли бы привлечь так много граждан для своих целей и победить так быстро своих оппонентов. [...] НСДАП пришла к власти не путем привлечения отчужденных, аполитичных немцев, а скорее путем вербовки высокоактивных индивидуумов и последующей эксплуатации их способностей и членства в разных ассоциациях для расширения притягательности партии и консолидации ее позиции как самой большой политической силы Германии».⁴⁶

Специфичность немецких гражданских ассоциаций того времени состояла в том, что вместо того, чтобы исполнять роль индикатора демократичности немецкого общества,

«они росли в период напряженности. Когда национальные политические институты и структуры проявляли свое нежелание или неспособность обращать внимание на нужды своих граждан, многие немцы отвернулись от них и нашли помощь и поддержку в организациях гражданского общества. Рост ассоциаций в те годы не означал наличия такого же роста либеральных ценностей или демократических политических структур; вместо этого он повлек за собой и усилил фрагментацию политической жизни Германии и делегитимацию национальных политических институтов».⁴⁷

Похожая аргументация была представлена в отношении ситуации в северной Италии, где фашистское движение после Первой мировой войны также выросло из относительно хорошо развитой системы институтов гражданского общества⁴⁸ – ставя, таким образом, под вопрос известный тезис Путнама.⁴⁹

Эти наблюдения подтверждают, что роль, которую гражданское общество играет в смене режимов, обусловлена конкретными политическими условиями, такими как сила политических институтов и уровень легитимности существующего политического режима. Шери Берман приходит к выводу, что «возможно, поэтому образование и развитие ассоциаций должно рассматриваться, как политически нейтральный коэффициент – изначально не положительный и не отрицательный, его влияние зависит от широкого политического контекста».⁵⁰

Частичное решение дилеммы одновременно про- и антидемократической роли, которую может играть гражданское общество, может быть найдено в попытках выделить различные типы негосударственных/некоммерческих структур, т.е. тех их разновидностей, которые имеют демократический или анти-демократический уклон. Например, самыми значимыми среди наиболее быстро растущих организаций добровольческого сектора Веймарской республики были разнообраз-

⁴⁶ Sheri Berman, „Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic,“ *World Politics* 49, no. 3 (1997): 401-429, здесь 402, 408.

⁴⁷ Berman, „Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic,“ 411, 413.

⁴⁸ William L. Eubank and Leonard Weinberg, „Terrorism and Democracy within One Country: The Case of Italy,“ *Terrorism and Political Violence* 9, no. 1 (1997): 98-108.

⁴⁹ Putnam, *Making Democracy Work*.

⁵⁰ Berman, „Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic,“ 427.

ные националистические ассоциации, ставшие популярными после Первой мировой войны. Эти националистические организации лучше всего рассматривать как «симптомы и средства перемен. Они были сформированы как специфические организации, в пределах пространства, которое открылось из-за сложности и архаичности доминировавшей ранее классовой политики».⁵¹

Непартийные институты, такие как эти националистические организации, стали замещать политические партии – феномен, который после Второй мировой войны снова стал заметен в ряде западных стран.⁵² Они являлись манифестациями не собственно гражданского общества, а представляли собой скорее «негражданские группы»⁵³ или «негражданские движения».⁵⁴

Этот подход был недавно более детально развит в статье Ами Педазура и Леонарда Вайнберга, которые предложили ввести давно известное, но до сих пор недостаточно разработанное понятие «негражданского общества» в современное изучение правого экстремизма.⁵⁵ Педазур и Вайнберг замечают, что с начала 1970-х гг. непартийные организации, связывающие государство с обществом, стали более популярны в целом. И это касалось не только структуры чисто гражданского общества. Непартийные группировки, бросающие вызов демократии, т.е. различные разновидности *негражданского общества*, в качестве заменителей правоэкстремистских партий⁵⁶ или как дополнительные игроки в антидемократическом спектре тоже стали более значимыми в консолидированных демократиях.

Неэлекторальные политические стратегии западного правого экстремизма сегодня

Еще до того, как были представлены эти теоретические аргументы, внимание к непартийной сфере привлекалось в эмпирических исследованиях недавнего развития немецкого и других западных ультранационализмов. В отличие от Герберта Китшеля, который в своей новаторской книге о том, что он называет «новой

⁵¹ Geoff Eley, *Reshaping the German Right: Radical Nationalism and Political Change after Bismarck* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994), XIX; цит. в Berman, „Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic,“ 411.

⁵² Kay Lawson and Peter H. Merkl, eds., *When Parties Fail: Emerging Alternative Organizations* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988).

⁵³ Encarión, „Civil Society and the Consolidation of Democracy in Spain,“ 67-68.

⁵⁴ Leigh A. Payne, *Uncivil Movements: The Armed Right Wing and Democracy in Latin America* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000).

⁵⁵ Ami Pedahzur and Leonard Weinberg, „Modern European Democracies and Its Enemies: The Threat of the Extreme Right,“ *Totalitarian Movements and Political Religions* 2, no. 1 (2001): 52-72.

⁵⁶ Uwe Backes and Cas Mudde, „Germany: Extremism without Successful Parties,“ *Parliamentary Affairs* 53, no. 3 (2000): 457-468.

радикальной правой» в Западной Европе в 1970-1990-х годах, сфокусировал свое внимание в основном на политических партиях,⁵⁷ Михаэль Минкенберг в своем последующем сравнительном анализе правого радикализма в Германии, Франции и США после 1968 года учитывает, кроме партий, также множество различных группировок негражданского общества.⁵⁸ Он включает в это понятие интеллектуальные круги, разные субкультурные образования, религиозные кружки, юношеские группировки, издательские дома и другие организации. Внимание Минкенберга к этим феноменам обеспечивает базу для более адекватной оценки проникновения радикальных правозэкстремистских идей в общество – особенно применительно к тем странам, которые не сталкивались с такими впечатляющими подъемами радикальных правых партий, как *Freiheitliche Partei Österreichs* (Свободная партия Австрии) в Австрии, *Alleanza Nazionale* (Национальный альянс) в Италии или *Front national* (Национальный фронт) во Франции.

Минкенберг более адекватно, нежели Китшелт, рассматривает, как активисты, поддерживающие такие идеи, сознательно используют различные стратегии в продвижении своих взглядов в зависимости от конкретного социально-политического контекста, культурных традиций и правовых установок, в рамках которых они оперируют.⁵⁹ Минкенберг, например, отмечает, что в США некоторые ксенофобские и фундаменталистские группы вместо формирования собственных партий использовали для проникновения в государственные структуры организации, близкие к Республиканской партии.⁶⁰ А в Германии так называемый «новый правый» интеллектуальный дискурс о национальной истории и идентичности приобрел влияние на публичные дебаты политического мейнстрима.⁶¹ Вместо формирования собственных партий, эта часть немецких правых радикалов выбрала тактику воздействия на немецкую политическую культуру в целом⁶² и на

⁵⁷ Herbert Kitschelt in collaboration with Anthony J. McGann, *The Radical Right in Western Europe: A Comparative Analysis* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995).

⁵⁸ Michael Minkenberg, *Die neue radikale Rechte im Vergleich: USA, Frankreich, Deutschland* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998).

⁵⁹ Андреас Умланд, „Сравнительный анализ крайне правых групп на Западе: По поводу книги М. Минкенберга,“ *Политические исследования*, no. 3(62) (2001): 174-179.

⁶⁰ См. также Michael Minkenberg, *Neokonservatismus und Neue Rechte in den USA: Neuere konservative Gruppierungen und Strömungen im Kontext sozialen und kulturellen Wandels* (Baden-Baden: Nomos, 1990); idem, „Die amerikanische konservative Revolution: Radikale Rechte und Republikanische Partei am Ende des Jahrhunderts,“ *Aus Politik und Zeitgeschichte* 43 (1996): 45-53; Russ Bellant, *Old Nazis, the New Right, and the Republican Party: Domestic Fascist Networks, and their Effect on U.S. Cold War Politics* (Boston, MA: South End Press, 1991).

⁶¹ Armin Pfahl-Traughber, *Konservative Revolution und Neue Rechte: Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat* (Opladen: Leske+Budrich, 1998).

⁶² Wolfgang Gessenharter, *Kippt die Republik?: Die Neue Rechte und ihre Unterstützung durch Politik und Medien* (München: Knaur, 1994); Claus Leggewie, *Druck von rechts: Wohin treibt die Bundesrepublik?* (München: Beck, 1993); Kurt Lenk, *Rechts, wo die Mitte ist* (Baden-Baden: Nomos, 1994).

программы умеренных правых партий в частности.⁶³ Более того, «новые правые» сделали это с помощью явной адаптации известного грамшианского утверждения, что идеологическая группа должна достичь сначала «культурной гегемонии» в обществе, а уж потом - приобрести политическую власть.⁶⁴ На территории бывшей ГДР также, к удивлению многих исследователей, правые радикальные партии, с некоторыми заметными исключениями,⁶⁵ не были слишком успешны на выборах, но в то же время ультранационализм в Восточной Германии стал силен на субкультурном уровне, и в особенности среди молодежи.⁶⁶

Группускулы

Важная часть послевоенного негражданского общества, а именно множество миниатюрных и относительно закрытых, часто фашистских, группировок, распространенных во всем мире, недавно была подробно интерпретирована в новом и эвристически плодотворном ключе Роджером Гриффином – как «группускулы».⁶⁷ Не соглашаясь с теми, кто считает спектр этих мелких экстремистских групп не стоящими внимания историка или политолога,⁶⁸ Гриффин утверждает, что есть определенная подкатегория маленьких ультранационалистических группировок, которые, несмотря на их не впечатляющие размеры, должны восприниматься серьезно как отдельные объекты изучения. Этот класс включает в себя такие западные организации, как Groupe Union Défense (Союзническая группа обороны), White Aryan Resistance (Белое Арийское Сопrotивление) и European Liberation

⁶³ См. также Elmar Wiesendahl, „Verwirtschaftung und Verschleiss der Mitte: Zum Umgang des etablierten Politikbetriebs mit der rechtsextremistischen Herausforderung,“ in: Wilhelm Heitmeyer, ed., *Das Gewalt-Dilemma* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994), 115-137; Hans-Martin Lohmann, ed., *Extremismus der Mitte: Vom rechten Verständnis deutscher Nation* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994).

⁶⁴ Alex Demirovic, „Kulturelle Hegemonie von rechts: Antonio Gramsci – gesehen von der ‘nouvelle droite’,“ *Die neue Gesellschaft: Frankfurter Hefte* 37, no. 4 (1990): 352-357; Armin Pfahl-Traughber, „‘Gramscismus von rechts’?: Zur Gramsci Rezeption der Neuen Rechten in Frankreich und Deutschland,“ *Blick nach rechts*, no. 21 (28 September 1992): 3-5.

⁶⁵ Andreas Umland, „A German Le Pen?“ *Patterns of Prejudice* 35, no. 4 (2001): 91-93.

⁶⁶ Burkhard Schroeder, *Im Griff der rechten Szene: Ostdeutsche Städte in Angst* (Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1997); Bernd Wagner, *Rechtsextremismus und kulturelle Subversion in den neuen Ländern* (Berlin: Zentrum Demokratische Kultur, 1998).

⁶⁷ Roger Griffin, „Net Gains and GUD Reactions: Patterns of Prejudice in a Neo-fascist Groupuscule,“ *Patterns of Prejudice* 33, no. 2 (1999): 31-50; idem, „From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right,“ Oxford Brookes University, 2002. Этот доклад был позднее опубликован в журнале *Patterns of Prejudice* 36, no. 3 (2002): 27-50.

⁶⁸ Martin Blinkhorn, *Fascism and the Right in Europe, 1919-1945* (Harlow: Pearson, 2000), 112.

Front (Европейский фронт освобождения).⁶⁹ Эти специфические группировки, которые Гриффин называет «группускулами», или ушли из большой политики после неуспешного участия в выборах, но продолжают существовать как закрытые ассоциации, или никогда не мыслили себя как полноценные партии, а являлись с самого момента их создания относительно изолированными организациями, служащими в основном только узкому кругу их членов и сторонников. Хотя некоторые из этих группускулов называют себя «партиями», они могут быть лучше поняты как принадлежащие к «уменьшенному подтипу»⁷⁰ политической партии.

*Термин «группускул» употребляется для обозначения такой политической организации, которая по стандартам общенациональной партийной политики имеет крошечное активное членство и, возможно, предельно низкое или несуществующее общественное признание, но является полностью созревшим фруктом в собственном идеологическом саду. [...] Его маленький размер, маргинальность и относительная незначительность придают ему качества, которые соответствуют интересам его организаторов.*⁷¹

Поэтому нецелесообразно рассматривать группускулы лишь как остатки неудачных попыток партстроительства. Они должны считаться или специфической частью негражданского общества, или гибридным феноменом, колеблющимся между политическим и (не)гражданским обществом – причем эта изменчивая форма поведения является типичной для многих добровольческих организаций в современных обществах в целом.⁷²

Форма группускула была избрана организаторами многих крайне правых групп на Западе, потому что они должны были приспособиться ко все более деполитизированной и денационализированной послевоенной общественности Запада. Группускулы поэтому определяют себя путем «отказа от каких-либо стремлений создать массовую членскую базу, привлечь широкую политическую поддержку населения или войти в союзы или компромиссы с другими политическими силами во имя максимизации влияния».⁷³ Вместо этого группускулы избрали форму кадровых организаций под руководством малочисленных элит, которые «держат открытой перспективу иметь влияние на общество путем создания связи со схожими сторонниками правого экстремизма и рекламируя свое существова-

⁶⁹ НБП отзывалась благосклонно об интернациональной сети Европейского фронта освобождения, а позднее стала ее членом. См. Прибыловский, Русские националистические и праворадикальные организации, 186-187.

⁷⁰ О концепции «уменьшенного подтипа» см. David Collier and James Mahoney, „Conceptual ‘Stretching’ Revisited: Adapting Categories in Comparative Analysis,“ American Political Science Review 87 (December 1993): 845-855; David Collier and Steven Levitsky, „Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research,“ World Politics 49 (April 1997): 430-451.

⁷¹ Griffin, „From Slime Mould to Rhizome,“ 3.

⁷² Diamond, Developing Democracy, 224.

⁷³ Griffin, „From Slime Mould to Rhizome,“ 8.

ние с помощью эффективной пропаганды, направленной на немногих избранных. Более того, Интернет позволяет создание

«виртуального общества» [...] изолируя своих членов от контактов с внешним миром [...]. Каждый группускул, каким бы маленьким он ни был, может играть роль связующего звена в огромной, постоянно развивающейся сети экстремистских организаций – группускулярной правдой – имеющей намного большее значение, нежели сумма отдельных ее частей [...]. Возможно, наиболее важным аспектом группускулярной правды для политической науки является ее структура, позволяющая действовать не как одно корпоративное образование, а как формирующая идеологию и координирующая сеть, созданной самостоятельными группировками [...]. В совокупности эти «группускулы» могут быть признаны создающими новый тип политической субкультуры или активности, т.е. «группускулярную правду», которая имеет вес, влияние и долговечность, диспропорциональные размеру, влиянию и стабильности каждого из его компонентов.»⁷⁴

Важность отдельного группускула состоит не только в его членстве в большей сети похожих компонентов, но также – сходно с функциями многих других организаций гражданского общества – в его потенциальной способности быть подготовительной почвой и школой для будущих политических активистов. Группускул «может иметь глубокое влияние на развитие своих членов в их поиске смысла существования и всеобщей правды, играя решающую роль в преобразовании отдельных личных негодований в общее осознание высокой миссии «что-то с этим сделать». В крайних случаях группускул вносил решающий вклад в превращение недовольного сиротливого индивидуума в фанатичного «волка-одиночку», готового произвести безжалостные акты терроризма против символов разложения общества, каких бы человеческих жертв это ни стоило, что ярко проиллюстрировал пример Тимоти Мак Вейя и Дэвид Коуплэнда (своим терактом в Оклахоме в 1995 году).»⁷⁵

В России значение этой категории группировок ультранационалистического спектра тоже возрастает, как это уже было проиллюстрировано в статье Маркуса Матхила для лондонского журнала «Patterns of Prejudice».⁷⁶ Организационная форма группускула приобрела еще большую значимость, когда был принят новый Закон о партиях в июле 2001 года. Закон требовал, чтобы партии, которые хотят зарегистрироваться как таковые в Министерстве юстиции, документировали значительную организационную мощь на всей территории России, а именно общее членство 10,000 человек, при том, что 100 или больше членов партии должны были иметься в более чем половине регионов России. Так как эта официальная регистрация обязательна для того, чтобы принимать полноценное участие в большой политике и особенно в выборах, высокий порог для регистра-

⁷⁴ Ibid., 2, 8-9.

⁷⁵ Ibid., 9.

⁷⁶ Markus Mathyl, „The National-Bolshevik Party and Arctogaia: Two Neo-fascist Groupuscules in the Post-Soviet Political Space,“ *Patterns of Prejudice* 36, no. 3 (2003): 62-76.

ции, утвержденный новым Законом о партиях уже тогда вытолкнул десятки политических организаций, определявших себя как партии стремящиеся к власти, в неэлекторальную область политики, где большинство из тех, которые продолжают существовать в организованном виде, и остаются.

Более того, поправка к этому Закону, представленная в декабре 2004 года еще более осложнила ситуацию для маленьких партий: минимальное количество членов партии для регистрации теперь составляет 50,000 человек и в то же время в более чем половине субъектов Российской Федерации зарегистрированная партия должна иметь по меньшей мере 500 членов. Эти предписания добавили проблем для политических амбиций лидеров всех небольших партий, включая ультранационалистические.⁷⁷

Принятие группускулярной стратегии вместо электоральной представляется прагматичным выходом для многих экстремистских организаций, если они хотят сохранить хотя бы минимальный потенциал действия. Эта стратегия может быть путем для выживания организации и сохранения готовности к какой-то ситуации, которая может позволить снова войти в большую политику. Заключительное замечание Гриффина в его первой публикации по этой теме относится к западному контексту, но по крайней мере так же значимо для России. Группускулярная правая, пишет Гриффин, «это политическая сила, которая гарантирует, что если в сердцевине демократического Запада когда-либо возникнут условия глубокого социально-экономического кризиса, которые создадут реальную возможность массовой поддержки националистической революции, тогда большинство стран будут иметь не только подготовленные кадры для того, чтобы ее возглавить, но и большой резерв идеологического ресурса, чтобы разжечь ее.»⁷⁸

Заключение

Ультранационалистические политические блоки и политики России имели до сих пор только ограниченные и/или спорадические успехи на выборах. Но этот факт не может, ввиду описанных проблем у партий, которые сейчас занимают эту часть спектра, быть воспринят как доказательство фундаментального неприятия большинством граждан радикально правых идеологий, и также не может быть интерпретирован как индикатор какого-либо принципиального неумения русских ультранационалистических сил со временем превратить потенциальную поддержку среди населения в политическую власть.

⁷⁷ <http://www.rg.ru/printable/2004/12/24/partii.html>. Закон был принят и именно в таком виде вступил в силу – прим.ред.

⁷⁸ Griffin, „Net Gains and GUD Reactions,“ 46.

Можно даже сказать, что такие фигуры, как Жириновский и Баркашов, имели «благотворный эффект» для демократизацию в России: они в начале 90-х быстро оккупировали фашистские ниши внутри и вне парламента в новом постсоветском политическом спектре,⁷⁹ и таким образом помогли предотвратить подъем русского националистического лидера с более приемлемым семейным прошлым, нежели у Жириновского и партии с менее оскорбительной символикой, нежели у РНЕ.

В России мы сегодня, возможно, наблюдаем что-то сходное с описанным выше развитием конца XIX – начала XX столетия в Германии. Опросы избирателей показывают, что население России переменяло свою позицию со скорее прозападной на преобладающую антизападную, особенно антиамериканскую в течение 1990-х гг. Беспокоит, что большинство тех российских избирателей, которые могут быть охарактеризованы в других отношениях как либералы, в конце 1990-х гг., в частности, в связи с расширением НАТО и бомбардировками в Югославии, стали более или менее критически относиться к Западу и в частности к США. К тому же, позиция российской элиты кажется еще более антиамериканской, нежели позиция масс.⁸⁰ Несмотря на эти тенденции, русские крайние правые партии в то же время стали менее успешными, чем на выборах в Государственную Думу в середине 1990-х (КПРФ, ЛДПР), и/или претерпевают более или менее значительные расколы (РНЕ, НБП, КПРФ, «Родина»).

Видимо организованный русский ультранационализм после определенного пика в середине 1990-х годов переживает в данный момент не финал, а перерыв, т.е. фазу развития и реформирования своих идей, позиции, имиджа, стратегии и структуры.⁸¹ Внезапный взлет блока «Родина» и его превращение в заметную политическую силу в российском парламенте, как и впечатляющее число голосов, которые получила ЛДПР в декабре 2003 года, могут рассматриваться как показатель стойкого потенциала русского национализма.

По крайней мере в ближайшем будущем русские крайние правые партии наверняка будут по-прежнему неспособны преодолеть свои имиджовые проблемы, названные выше. С другой стороны, стоит отметить, что в прошлом – как в до- так и в послевоенные годы – ультранационалистические партии вырастали от отно-

⁷⁹ Andreas Umland, „Zhirinovskii as a Fascist: Palingenetic Ultra-Nationalism in the Ideology of the Liberal-Democratic Party of Russia.“ Доклад представлен на 97-й ежегодном конгрессе Американской полититологической ассоциации, Сан-Франциско, 30 августа – 2 сентября 2001.

⁸⁰ William Zimmerman, *The Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives, 1993-2000* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002). Об антиамериканизме, см. Vladimir Shlapentokh, „Russian Attitudes toward America: A Split between the Ruling Class and the Masses,“ *World Affairs* 164, no. 1 (2001): 17-23; and Lev Gudkov, „'Ich hasse, also bin ich': Zur Funktion der Amerika-Bilder und des Antiamerikanismus in Rußland,“ *Osteuropa* 52, no. 8 (2002): 997-1004.

⁸¹ Roger D. Griffin, „Interregnum or Endgame?: Radical Right Thought in the 'Post-fascist' Era,“ *Journal of Political Ideologies* 5, no. 2 (July 2000): 163-178; idem, „Between Metapolitics and *Apoliteia*: The New Right's Strategy for Conserving the Fascist Vision in the 'Interregnum',“ *Modern and Contemporary France* 8, no. 2 (2000): 35-53.

сительной неизвестности до значительной популярности на протяжении всего нескольких лет. И когда такое случалось, это часто было построено на фундаменте, заложенном заранее негражданским обществом. Немецкая «консервативная революция» 1920-х⁸² и французская «новая правая»⁸³, появившаяся после 1968-го года, – основные примеры тщательно разработанной интеллектуальной подготовки последующего резкого подъема ультранационалистической партии (НСДАП и Национального фронта соответственно).⁸⁴

Эти наблюдения могут быть интерпретированы и применительно к изучению современного правого экстремизма в России. Несмотря на то, что ультранационалистические партии вряд ли останутся такими же (относительно) незначительными, как сегодня, описанные четыре современные партии, скорее всего, не смогут в скором времени выйти из того невыгодного положения, в котором они оказались. Поэтому остается неясно, кто мог бы стать возможным лидером в будущем и какая партия сможет воспользоваться уже существенным на данный момент, и возможно, растущим антизападным электоратом.

В таких условиях большее внимание к российскому негражданскому обществу является не только адекватным ввиду растущей значимости этого объекта исследований; оно является также прагматическим подходом. Так как мы еще не знаем, как и когда преодолет российское ультранационалистическое политическое общество свои разнообразные дилеммы, и преодолет ли вообще, определенные сведения о российском негражданском обществе оказываются относительно более важными, чем дальнейшие изыскания об изменчивом правозэкстремистском партийном спектре.

Четыре крайне правые партии, представленные здесь более подробно (РНЕ, ЛДПР, КППРФ, НБП), уже в определенной степени исследованы.⁸⁵ Иногда специфичность их развития (аналогично фокусированию внимания Гербертом Китшельтом на радикальных правых *партиях* Западной Европы⁸⁶) представляется

⁸² Stefan Breuer, *Anatomie der Konservativen Revolution* (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993).

⁸³ Roger Griffin, „Plus ça change! The Fascist Mindset behind the Nouvelle Droite’s Struggle for Cultural Renewal,“ in: Edward Arnold, ed., *The Development of the Radical Right in France 1890-1995* (London: Routledge, 2000), 217-252; Tamir Bar-On, „The Ambiguities of the Nouvelle Droite, 1968-1999,“ *The European Legacy* 6, no. 3 (2000): 333-351.

⁸⁴ «Новое поколение лидеров французского Front national более или менее успешно уклонило от позора и бесчестия, которые прилипли к истории французского правого экстремизма в представлении населения. Вклад движения, которое стало известным как Nouvelle Droite, был решающим благодаря созданным молодыми правыми интеллектуалами легитимности и возможности дистанцировать себя от групп с дискредитированной историей [...].» Douglas R. Holmes, *Integral Europe: Fast-Capitalism, Multiculturalism, Neofascism* (Princeton: Princeton University Press, 2000), 78.

⁸⁵ Например: Vera Tolz, „The Radical Right in Post-Communist Russian Politics,“ in: Peter H. Merkl and Leon Weinberg, ed., *The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties* (London: Frank Cass, 1997), 177-202; Judith Devlin, *Slavophiles and Commissars: Enemies of Democracy in Modern Russia* (Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1999); Shenfield, *Russian Fascism*.

⁸⁶ Kitschelt with McGann, *The Radical Right in Western Europe*.

авторами как полная или, по крайней мере, главная история правого экстремизма в сегодняшней России.⁸⁷ Такой подход был бы, с точки зрения приведенной выше контекстуализации, недостаточным. До тех пор, пока российское общественное сознание захвачено широко распространенными антизападными стереотипами и проникнуто скрытыми, а иногда и не очень скрытыми, националистическими идеями, нужно ожидать, что эти явления найдут организованное выражение. По крайней мере, в ближайшем будущем можно ожидать, что мы найдем эти общественные манифестации не только, и, возможно, не столько в области политического общества, сколько в негосударственной сфере.⁸⁸ Поэтому кажется, что рост негражданского общества России составляет сегодня одну из самых обещающих тем для исследователей как русского ультра национализма, так и российского третьего сектора в целом.⁸⁹

Перевод с английского: Е. Сивуда и А. Верховский.

⁸⁷ Christopher Williams and Stephen E. Hanson, „National-Socialism, Left Patriotism, or Superimperialism? The Radical Right in Russia,“ in: Sabrina Ramet, ed., *The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989. With an afterword by Roger Griffin* (University Park: The Pennsylvania State University Press, 1999), 257-278; Vojko Vujčić, „Serving Mother Russia: The Communist Left and Nationalist Right in the Struggle for Power, 1991-1998,“ in: Victoria E. Bonnell and George W. Breslauer, eds., *Russia in the New Century: Stability and Disorder?* (Boulder, CO: Westview Press, 2001), 290-325.

⁸⁸ Напр. о взлете А. Дугина как феномене негражданского общества см. Markus Mathyl, „Der ‚unaufhaltsame Aufstieg‘ des Aleksandr Dugin: Neo-Nationalbolschewismus und Neue Rechte in Russland,“ *Osteuropa* 52, no. 7 (2002) 885-900; Andreas Umland, *Toward an Uncivil Society? Contextualizing the Recent Decline of Extremely Right-Wing Parties in Russia*. Weatherhead Center for International Affairs Working Paper 02-03. (Cambridge, MA: Harvard University, 2002), http://www.wcfia.harvard.edu/papers/555_Toward_An_Uncivil_Society.pdf; Андреас Умланд, „Формирование фашистского «неоевразийского» интеллектуального движения в России: путь Александра Дугина от маргинального экстремиста до идеолога постсоветской академической и политической элиты, 1989-2001 гг.,“ *Ab Imperio*, № 3 (2003): 289-304; Andreas Umland, „Kulturhegemoniale Strategien der russischen extremen Rechten: Die Verbindung von faschistischer Ideologie und gramscistischer Taktik im ‚Neoeurasismus‘ des Aleksandr Dugin,“ *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft* 33, no. 4 (2004): 437-454.

⁸⁹ Недавние примеры исследований в этом ключе: Александр Верховский, *Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995-2001 гг.* (М.: Сова, 2003); Анастасия Митрофанова, *Политизация «православного мира»* (М.: Наука, 2004); Anastasia V. Mitrofanova, *The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas*. *Soviet and Post-Soviet Politics & Society* 13 (Stuttgart: ibidem, 2005).